

Сергей Патрушев

Тетрадь любви

Сергей Патрушев

Тетрадь любви

<https://litres.ru/74034169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она нашла её случайно — старую тетрадь в винной обложке, забытую кем-то на скамейке под цветущей сакурой. Всего несколько слов, написанных дрожащей рукой, — и мир Насти, красивой блондинки, привыкшей к восхищённым взглядам, но отчаянно не умеющей любить, перевернулся навсегда. Тетрадь исполняла желания.

Любые. Самые дерзкие, самые потаённые, те, что прячутся в глубине сердца и боятся света. Но у каждого подарка судьбы была своя цена, и плата всегда приходила неожиданно — тетрадь забирала то, без чего душа медленно, незаметно угасала.

Это история о том, как желание притворяется любовью, как обладание маскируется под близость и как легко потерять себя, получая всё, о чём мечтал. Это роман-метафора, роман-исповедь, роман-цветок, распускающийся на границе между светом и тьмой. Здесь ангелы влюбляются в демонов, кожа становится лепестками, а последнее «прости» звучит ароматом сакуры на весеннем ветру.

Содержание

Глава 1. Случайная находка	4
Глава 2. Ломка	13
Глава 3. Вершительница судеб	22
Глава 4. Волшебница за пеленой	34
Глава 5. Розовые пятна	45
Глава 6. Цвет сакуры	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Патрушев

Тетрадь любви

Глава 1. Случайная находка

Настя никогда не верила в магию. Она верила в цифры, в четкий план на день, в правильное питание и в то, что если долго и упорно работать над собой, то вселенная обязательно ответит взаимностью. Но вселенная, кажется, была занята кем-то другим. Особенно когда речь заходила о Нем.

Его звали Артем. Высокий, с вечно растрепанными темными волосами и взглядом, который, как назло, скользил по Насте, не задерживаясь ни на секунду. Она была красивой — это знали все. Длинные, почти белые волосы, которые она заботливо осветляла лучшим мастером в городе, правильные черты лица, фигура, ради которой она изнуряла себя в зале три раза в неделю. Настя была из той породы девушек, на которых оборачиваются на улице, но к которым почему-то боятся подойти. Или не хотят.

С Артемом они учились на одном потоке, и Настя методично, уже второй год, пыталась привлечь его внимание. Она

знала его расписание лучше собственного, случайно оказывалась в тех же кафе, записалась на те же дополнительные курсы по графическому дизайну, хотя ей они были совершенно не нужны. Она даже купила книгу, которую он однажды упомянул в разговоре с другом, и демонстративно читала ее в библиотеке. Но все было тщетно. Он был неизменно вежлив, иногда даже мило улыбался, но это была улыбка незнакомцу. Для него она была просто фоном, красивой декорацией, на которую не грех взглянуть, но не более.

Это сводило с ума. Особенно сегодня, когда она собственными глазами видела, как он улыбался Кате, девушке с неровными зубами и смешной челкой, которая даже не красилась. Они стояли в коридоре, и Артем смотрел на Катю так, как никогда не смотрел на Настю. С теплотой. С интересом. С желанием.

В тот вечер она бесцельно бродила по городу, стараясь унять обиду, которая противной горечью подкатывала к горлу. Ноги сами принесли ее в старый парк, куда она любила ходить в детстве. Здесь было тихо, безлюдно и пахло прелой листвой. Она села на свою любимую скамейку, спрятанную под сенью огромного дуба, и, поджав ноги, уставилась в одну точку. Именно тогда она ее и заметила.

На земле, прямо у ножки скамейки, лежала тетрадь. Настя

не обратила бы на нее внимания, если бы не странный цвет обложки. Она была не просто красной или коричневой, а какого-то густого, винного, почти живого оттенка, который переливался в свете заходящего солнца. Настя наклонилась и подняла находку. Тетрадь была совершенно новой, без единой помарки или сгиба, но от нее исходило странное тепло. Обложка была мягкой, бархатистой на ощупь, без каких-либо надписей или рисунков. Только в самом низу крошечными золотыми буквами, почти неразличимыми, было вытеснено: «Тетрадь любви».

Настя хмыкнула. Глупое название для блокнота. Наверное, какая-то школьница потеряла. Она хотела уже положить ее обратно, может, хозяин вернется, но внутренний порыв заставил ее открыть первую страницу. Бумага была плотной, кремовой и приятно пахла сандалом. Внутри было пусто. Ни линеек, ни клеток, только чистые, зовущие листы. И на самой первой странице, прямо посередине, едва заметная надпись, выведенная теми же золотыми чернилами:

«Напиши свое самое сокровенное желание, и оно исполнится. Но помни: дар требует платы».

Настя фыркнула. Дешевый сценарий из фильма ужасов. «Дар требует платы». Что за бред? Очевидно, чей-то розыгрыш или самодельный блокнотик для исполнения желаний

из соцсетей. Она захлопнула тетрадь и сунула ее в сумку, сама не зная зачем. Выбрасывать было жалко — бумага была слишком хороша. Может, пригодится для набросков к дипломному проекту.

Дома она закинула тетрадь на письменный стол и забыла о ней. Но ночью ей приснился Артем. Он стоял на берегу моря и протягивал ей руку, а она шла к нему, и волны мягко лизали ее босые ступни. Проснувшись она с щемящим чувством тоски и решимости одновременно. Взгляд упал на тетрадь, которая, казалось, светилась изнутри в утренних сумерках. «Напиши желание».

Настя села за стол. Рука сама потянулась за ручкой. Это было ребячеством, глупой игрой, но почему бы и нет? Она откроет первую страницу и напишет какую-нибудь глупость, чтобы доказать самой себе, что все это чушь. Она вывела красивым, аккуратным почерком:

«Я хочу, чтобы Артем Громов обратил на меня внимание. Чтобы он подошел ко мне первым».

Она перечитала написанное и усмехнулась. Идиотизм. С этой мыслью она закрыла тетрадь и пошла собираться на учебу.

Этот день ничем не отличался от других, пока не началась большая перемена. Настя стояла у окна в коридоре, лениво наблюдая за потоком студентов. Она увидела Артема изда- лека. Он шел со своим другом и о чем-то оживленно спо- рил. По привычке она уже готовилась к тому, что его взгляд скользнет по ней и уйдет в сторону. Но в этот раз все пошло не так. Артем поднял голову, их глаза встретились, и он... остановился. Прямо посреди коридора. Его друг что-то го- ворил, но он, казалось, не слышал. Он смотрел на Настю. Не мимолетно, а внимательно, изучающе, будто видел ее впер- вые.

Сердце Насти пропустило удар. Она почувствовала, как кровь приливает к щекам. Это просто совпадение. Просто пауза в разговоре. Сейчас он отвернется. Но Артем не отво- рачивался. Более того, он что-то быстро сказал другу, хлоп- нул его по плечу и направился прямо к ней. Настя вцепилась пальцами в подоконник, чтобы не упасть. Каждый его шаг отдавался у нее в висках.

— Привет, — сказал он, подойдя. Его голос звучал немно- го удивленно, как будто он сам не понимал, что делает. — Мы ведь учимся вместе, да? На дизайне?

Настя смогла только кивнуть. Язык прилип к небу.

— Странно, что я раньше тебя не замечал, — он провел рукой по волосам, и в его взгляде мелькнула искорка настоящего интереса. — Ты же... Настя, верно? Может, сходим куда-нибудь после пар? Выпьем кофе?

Мир покачнулся. В ушах зашумело. Он не просто обратил на нее внимание, он подошел и пригласил ее. Первый. Этого не могло быть. Это было невозможно. Но он стоял и ждал ответа, глядя на нее с той самой теплотой, которую она вчера видела направленной на другую.

— Да, — выдохнула она. — Я не против.

Отлично. Я буду ждать тебя у главного входа. — Он улыбнулся, широко и открыто, и пошел обратно, оставив Настю стоять с бешено колотящимся сердцем.

Остаток пар она просидела как в тумане. В голове крутилась только одна мысль: «Тетрадь. Это сработало». Но она гнала ее прочь. Это совпадение. Он просто наконец-то ее заметил. Так бывает. Она же красивая, в конце-то концов! Но червячок сомнения уже точил ее изнутри.

Свидание прошло идеально. Артем был обаятелен, остроумен и смотрел на нее, не отрываясь. Он ловил каждое ее слово, смеялся ее шуткам, и между ними возникло то самое

напряжение, о котором Настя читала в книгах, но никогда не чувствовала в жизни. Прощаясь, он нежно поцеловал ее в щеку и попросил номер телефона. Она летела домой, не чуя ног. В сумочке лежала тетрадь, и теперь она ощущала ее вес как нечто тяжелое, горячее, живое.

Дома она бросилась к столу. Надо проверить. Надо убедиться, что это просто череда случайностей. Она открыла тетрадь на первой странице. Фраза «Я хочу, чтобы Артем Громов обратил на меня внимание», написанная утром, исчезла. Страница была чистой. Абсолютно. Ни единой вмятины от ручки, ни следа чернил. Только гладкая, нетронутая бумага.

У Насти похолодели руки. Она лихорадочно пролистала остальные страницы. Там, в самой середине тетради, она нашла запись, которой раньше не было. Аккуратным, каллиграфическим почерком, который явно не принадлежал ей, там было выведено:

«Первая плата принята. Изымается: родинка на левой лопатке».

Настя судорожно вздохнула и, не раздеваясь, бросилась в ванную. Она включила свет и, повернувшись спиной к огромному зеркалу, стянула блузку, пытаясь разглядеть от-

ражение. С самого детства у нее на левой лопатке была небольшая, но заметная темная родинка, которую она не любила и всегда мечтала свести. Она точно знала, где она находится.

Она всматривалась в отражение, ища знакомое пятнышко. Но кожа на том месте, где оно было всю ее жизнь, была идеально чистой и гладкой. Родинка исчезла. Бесследно. Словно ее никогда и не было.

Настя медленно сползла по холодной плитке на пол, сжимая в руке злополучную тетрадь. Бархатистая обложка больше не казалась приятной, она обжигала пальцы. Значит, это правда. Все, что она напишет, сбудется. Но у каждой мечты есть цена. И цена эта — случайна. Тетрадь забирает то, что выбирает сама.

Страх, дикий, животный, сковал ее на мгновение, но почти сразу его вытеснила другая, более мощная волна. Волна азарта и предвкушения. Артем смотрел на нее. Он хотел ее. У них было свидание. И все это дала ей она, эта тетрадь. Она платит, но разве первая плата не была подарком? Она всегда ненавидела эту родинку. Тетрадь избавила ее от нее в обмен на исполнение мечты. Справедливо.

Настя поднялась с пола. Ее глаза, в которые она взглянула

в зеркало, горели новым, незнакомым огнем. Она вернулась в комнату, села за стол и открыла тетрадь на новой, чистой странице. Она сделает это снова. Она добьется всего, чего захочет. Ведь теперь весь любовный мир лежит у ее ног. Надо только подобрать правильные слова и быть готовой заплатить. А что может быть важнее любви?

Она взяла ручку, и на кремовой бумаге появилась новая строка.

Глава 2. Ломка

Первые дни после осознания силы тетради прошли как в тумане, сотканном из чистого, незамутненного счастья. Настя просыпалась с мыслью об Артеме и засыпала с его голосом в телефоне. Реальность превзошла даже самые смелые ее фантазии. Он был идеален. Внимательный, заботливый, страстный. Он писал ей каждое утро, встречал после пар, ревновал к любому встречному взгляду и смотрел на нее так, будто она была единственной женщиной на планете. Подруги тихо завидовали, одноклассники перешептывались за спиной, не в силах поверить, что неприступный Артем Громов пал жертвой чар белокурой Насти. А она лишь загадочно улыбалась, ощущая в сумоке приятную тяжесть винного блокнота.

Плата за второе желание показалась ей почти незаметной. Она написала: «Я хочу, чтобы Артем сказал, что любит меня». Он сказал это на третий день, стоя на коленях посреди ее комнаты, с букетом алых роз, которые пахли так одуряюще сладко, что кружилась голова. А когда она, опьяненная победой, заглянула в тетрадь, то увидела запись: «Изымается: способность чувствовать вкус горького шоколада». Настя тогда только рассмеялась. Она терпеть не могла горь-

кий шоколад. Тетрадь словно играла с ней, забирая то, что ей было не нужно. Это была сделка, о которой можно только мечтать. Мир стал для нее шкатулкой с драгоценностями, а тетрадь — ключиком, который ничего не требовал взамен, кроме ненужного хлама.

Но аппетит, как известно, приходит во время еды. Сначала ей хватало просто его присутствия. Потом — его любви. Но очень скоро Настя поймала себя на мысли, которая заставила ее замереть с ручкой в руке. Она сидела в кафе, наблюдая за Артемом, который увлеченно рассказывал о своем новом проекте, и вдруг поняла, что он говорит слишком громко. Он размахивал руками, привлекая внимание официанток, и его смех, раньше казавшийся таким заразительным, вдруг резанул слух. Она посмотрела на него не глазами влюбленной, а трезвым, оценивающим взглядом. И он перестал быть идеальным. В нем появились трещинки. Он был недостаточно романтичен в деталях, недостаточно хорош в постели, недостаточно брутален в спорах.

И тогда Настя сделала следующий шаг. Если тетрадь может заставить его полюбить, значит, она может его и изменить. Скорректировать. Улучшить. Эта мысль показалась гениальной. Зачем менять парня, когда можно просто написать новые вводные?

Она стала писать. Сначала по одному желанию в день. Потом по два. «Артем предпочитает только классическую музыку и одевается элегантнее». «Артем стал более молчаливым и загадочным». «Артем каждый вечер читает ей стихи на французском». Реальность послушно перекраивалась. Артем менялся на глазах, становясь той идеальной картинкой, которую Настя нарисовала в своей голове еще в детстве. Взамен тетрадь забирала пустяки. Исчезло воспоминание о поездке на море в десятом классе. Пропала привычка грызть ногти на левой руке. Она разучилась свистеть. Все это была такая ерунда по сравнению с тем совершенным мужчиной, который теперь сидел рядом с ней, застегнутый на все пуговицы, и цитировал Бодлера в оригинале.

Но потом Артема стало мало. Она получила идеальные отношения, но этого оказалось недостаточно, чтобы заполнить пустоту внутри. Настя почувствовала голод. Она поймала себя на том, что, идя по улице, оценивающе разглядывает незнакомых мужчин. Вот этот, в пальто, смотрит на нее. А что, если бы он тоже... А тот, в машине, какая у него красивая линия челюсти. Это было как коллекционирование. Артем был просто первой, главной фигуркой в ее собрании, но коллекция не могла состоять из одного экспоната.

Она написала желание о баристе из кофейни у дома. Просто проверить, работает ли это на расстоянии. На следующий

день он, краснея, подал ей кофе и на стаканчике был написан его номер телефона. Тетрадь забрала ее любовь к пионам. Потом был парень из спортзала. Желание: «Он мечтает пригласить меня на ужин». Плата: «Изымается: детское воспоминание о первом снеге». Потом преподаватель с кафедры философии, который всегда был с ней подчеркнута сух. Теперь он не мог связать двух слов, когда она проходила мимо.

С каждым новым трофеем плата становилась все более размытой и неуловимой. Она больше не находила записей о том, что именно было взято. Исчезло ощущение вкуса клубники? Или она просто забыла, какой он? Пропала способность радоваться дождю? Или просто испортилась погода? Список потерь велся где-то в глубине тетради, в закоулках сознания, но Настя больше не заглядывала в те страницы. Зачем? Ведь главное — это результат. Мужчины падали к ее ногам штабелями. Они дарили подарки, признавались в любви, сходили с ума, ссорились друг с другом. Она стала центром маленькой вселенной, богиней, вершащей судьбы одним движением шариковой ручки.

Но однажды, в четверг, она проснулась и поняла, что не хочет писать. Просто нет настроения. Артем, вышколенный и идеальный, приготовил ей завтрак и ушел, оставив на столе записку со стихами. Бариста прислал сообщение с пожеланием доброго утра. Парень из зала спрашивал, будет ли она

сегодня на тренировке. А Настя смотрела в потолок и чувствовала странную, ноющую пустоту в груди. Ей было скучно. Она полистала тетрадь — чисто, никакой записи. Сегодня она еще ничего не просила. Значит, плата пока не списана. Деньги на счету есть, но тратить их не на что. И от этого бездействия ее начало ломать.

Сначала это было просто раздражение. Она сорвалась на Артеме из-за того, что он слишком тихо закрыл дверь. Потом накричала на баристу, когда он осмелился принести ей капучино вместо латте. Мир, который еще вчера был послушным пластилином, вдруг стал серым, тусклым, ненастоящим. Все эти мужчины, добивавшиеся ее внимания, казались ей картонными декорациями. Их любовь была подделкой, созданной тетрадью, и Настя внезапно осознала это с ужасающей ясностью. Они не любили ее по-настоящему. Они исполняли программу, которую она для них написала. Они были зомби, а она — их кукловодом. И от этой мысли ей стало невыносимо одиноко.

К вечеру раздражение переросло в физическое недомогание. Настя лежала на диване, поджав колени к груди, и ее бил озноб. Комната была теплой, но ей казалось, что из стен дует ледяной ветер. Ее знобило, ладони вспотели, а сердце билось где-то в горле, часто и рвано. Ей нужно было написать. Хоть что-нибудь. Хоть какую-то мелочь. Просто чтобы

процесс пошел. Просто чтобы снова почувствовать эту сладкую дрожь, этот контроль, эту божественную власть над реальностью.

Она подползла к столу, судорожно схватила тетрадь. Пальцы дрожали, не попадая по обложке. Она открыла наугад первую попавшуюся страницу, провела ладонью по приятной, бархатистой бумаге, и дрожь немного утихла. Тетрадь словно успокаивала ее, мурлыкала, как дикий зверь, признавший хозяина. «Давай, — казалось, шептала она. — Напиши. Ты знаешь, что хочешь. Ты же видела сегодня в окне соседа напротив. У него такие плечи...»

Настя закусила губу. В висках пульсировала кровь. Желание было острым, почти болезненным. Это была не любовь, не симпатия. Это была потребность. Ей нужно было подтверждение, что она все еще владеет ситуацией, что магия работает, что она не просто пустышка, заигравшаяся в колдунью.

Она вывела корявым, прыгающим почерком: «Мужчина из дома напротив, которого я видела днем, хочет меня до безумия. Он найдет способ познакомиться со мной завтра же».

Ручка замерла. Она ожидала облегчения. Но его не наступило. Наоборот, тревога усилилась, сердце забилось еще ча-

ще. Ей казалось, что она сделала слишком маленькую дозу. Этого недостаточно. Нужно больше. Всегда нужно больше. Она лихорадочно пролистнула страницу и написала новое желание. «Я хочу, чтобы продавщица из цветочного магазина, которая косо на меня посмотрела, потеряла дар речи при виде меня. Чтобы она онемела от зависти». Глупость. Мелкая, подлая глупость. Но ей было плевать.

Она захлопнула тетрадь и откинулась на спину, тяжело дыша. Озноб постепенно отступал, уступая место липкой, противной испарине. Ломка отступала. Она снова приняла наркотик. Глаза слипались, и перед тем, как провалиться в тяжелое, свинцовое забытие, она успела подумать, что впервые написала не про любовь, а про злую, мстительную радость. И впервые плата за эти желания осталась неизвестной. Тетрадь не показала запись. Она не знала, что забрали у нее на этот раз.

Утро встретило ее пронзительной, звенящей тишиной. Телефон молчал. Артем не прислал стихов. Бариста не пожелал доброго утра. Мир за окном был затянут серой пеленой дождя, но Настя не слышала шума капель. Она встала с кровати, чувствуя странную, всепроникающую пустоту. Что-то было не так. Она подошла к зеркалу, чтобы поправить свои светлые волосы, и замерла, глядя в отражение. Из зеркала на нее смотрела все та же блондинка с точеными чертами лица

и полными губами. Красивая. Идеальная. Но в ее глазах, в самой глубине зрачков, что-то погасло. Она прислушалась к себе. Сосед за стеной включил перфоратор, но она не раздражалась. Она вообще ничего не чувствовала. Ни радости от грядущей победы, ни азарта, ни стыда за вчерашнюю мелочность.

Тетрадь лежала на столе, раскрытая на той самой странице, где она вчера писала о немоте продавщицы. Строчки исчезли. А внизу, мелким, витиеватым почерком, которого она раньше не замечала, было выведено:

«Изымается: способность испытывать радость от любых событий. Полностью».

Настя прочитала это три раза. Смысл написанного доходил до нее медленно, как сквозь толщу воды. Она не могла испытывать радость. Вообще. Никакую. Ни от любви, ни от победы, ни от простых человеческих мелочей. Она стала пустым, совершенным сосудом, не способным наполниться.

Она должна была заплакать, разозлиться, разбить эту проклятую тетрадь. Но она просто закрыла ее и села на кровать, глядя в одну точку. Где-то внизу, под ложечкой, шевельнулся холодный, расчетливый голос. «Ну и что? — сказал он. — Радость — это всего лишь эмоция. Не самая полезная. Зато

теперь ты можешь сосредоточиться на главном. На власти. На контроле. Ты подседа, Настя? Нет. Ты просто нашла свой путь. А ломка — это всего лишь сигнал, что ты идешь в верном направлении».

Она взяла телефон. Сообщение от незнакомого номера: «Доброе утро. Вы меня не знаете, я ваш сосед из дома напротив. Я видел вас вчера в окно и понял, что не могу без вас жить. Это сумасшествие, но позвольте мне хотя бы узнать ваше имя». Настя бесстрастно прочитала текст. Механизм сработал. Машина по производству любви снова была в действии. Она не чувствовала ничего. Ни триумфа, ни отворачивания. Только вакуум и странное, извращенное чувство покоя, какое, наверное, бывает у бездны, поглощающей свет.

Она открыла тетрадь снова. Чистый лист смотрел на нее, обещая новые возможности. Зависимость обрела новую, куда более страшную форму. Она больше не гналась за удовольствием. Она гналась за самим смыслом своего существования, который теперь был растворен только в чернилах этой тетради. Без нее была лишь пустота и серый, бесчувственный мир. Внутри остался только один-единственный вопрос, который она напишет на следующей странице, чтобы узнать ответ. Но сначала ей нужно было решить, чью жизнь сломать сегодня. Без радости и без сожалений.

Глава 3. Вершительница судеб

Пустота оказалась поразительно продуктивным состоянием. Когда исчезли эмоции — вся эта липкая, мешающая думать шелуха вроде сожалений, стыда или страха, — Настя внезапно обрела кристальную ясность мысли. Она смотрела на мир как хирург на операционный стол. Ни жалости, ни безгливости. Только холодный расчет и понимание анатомии человеческих желаний.

Сосед из дома напротив оказался директором рекламного агентства. Через три дня он умолял ее переехать к нему, предлагая ключи от своей квартиры с панорамным видом на центр города. Настя равнодушно взяла ключи, но переезжать не стала. Зачем сужать свою территорию до одной квартиры, если можно расширить ее до масштабов города, страны, мира? Артем все еще существовал где-то на периферии, исправно присылал стихи и ждал ее у подъезда с букетами, но она уже едва замечала его. Он был первой, пробной моделью. Серийный образец, не более.

Тетрадь лежала на прикроватной тумбочке и, казалось, дышала в такт ее мыслям. Настя больше не испытывала ломки. Она нашла ритм. Одно желание утром, одно — вечером.

Как лекарство, как инсулин для диабетика, поддерживающий ее новую, бесчувственную жизнь в стабильном равновесии. Желания стали изощреннее, но и цена выросла. Пропало обоняние. Исчезли воспоминания о бабушке. Странно, она знала, что бабушка была, но не могла вспомнить ни ее лица, ни голоса. Лишь факт, сухая строка в биографии. Потом пропало чувство голода — она ела по расписанию, не ощущая вкуса, просто чтобы поддерживать тело в идеальной форме. Форма все еще была нужна. Красивая оболочка открывала многие двери, даже без магии.

Однажды вечером, листая ленту новостей на телефоне, она наткнулась на фотографию популярного актера. Он сиял голливудской улыбкой с обложки журнала, и заголовок гласил о его предстоящей свадьбе с дочерью нефтяного магната. Настя задержала взгляд на его лице. Идеальные черты, харизма, миллионы поклонниц по всему миру. И тут в голове, в той самой пустоте, где раньше жили эмоции, вспыхнула холодная, как жидкий азот, мысль. А почему она ограничивается какими-то баристами и соседями? Почему ее коллекция состоит из пешек, когда можно заполучить ферзей?

Она взяла тетрадь. Пальцы привычно легли на обложку, ощущая бархатистое тепло. Сердце забилося чуть быстрее — последний доступный ей физиологический отклик на азарт. Волнение без эмоциональной окраски, просто ускорение ме-

ханизма. Она открыла чистую страницу и, не раздумывая, написала: «Самый популярный актер страны, лицо всех обложек, тот самый, который сейчас объявил о свадьбе, отменяет помолвку. Он не может думать ни о ком, кроме меня. Он видит мое лицо в своих снах. Он будет искать встречи со мной любой ценой».

Она закрыла тетрадь и отложила ручку. Никакого трепета. Никакого восторга от дерзости. Лишь ожидание результата, как ждет ученый завершения химической реакции. Она почистила зубы, нанесла ночной крем и легла спать.

Телефон разбудил ее в шесть утра. Звонила Лера, единственная подруга, которая еще осталась с ней, несмотря на странности последних недель.

— Ты видела? — голос Леры звенел от возбуждения. — Включи телевизор!

Настя, не вставая с кровати, нажала на пульт. На экране новостного канала мелькали кадры. Тот самый актер стоял на пресс-конференции, которая явно была экстренной. Лицо его было растерянным, почти испуганным. Он говорил что-то о том, что свадьба отменяется, что он не может жениться на человеке, которого не любит по-настоящему, что его сердце принадлежит кому-то другому, кого он еще даже

не встретил, но чей образ преследует его днем и ночью. Репортеры взорвались вопросами. Крупная девочка с микрофоном крикнула: «Кто она? Вы можете описать ее?» Актер поднял глаза, и Настя увидела в них ту самую пустоту, которую видела каждое утро в зеркале. «Я не знаю, — тихо сказал он. — Но у нее длинные светлые волосы. И глаза... Я нарисую ее. Я найду ее».

Настя выключила телевизор. Механизм сработал быстрее, чем она ожидала. Масштаб личности не имел значения для тетради. Король или нищий — перед силой винных страниц все были равны.

Следующие три дня превратились в медийный ад. Актер действительно нарисовал портрет. Грубый, но достаточно точный, чтобы его поклонники начали сходить с ума в поисках таинственной незнакомки. Фотожабы, версии, теории заговора. Имя Насти пока не всплывало, но она знала — это вопрос времени. Она решила не ждать, пока ее вычислят, и написала новое желание: «Он находит меня завтра в нашем городе, в парке, где я подобрала эту тетрадь. Он узнает меня. Он падает на колени». Плата списалась мгновенно — она почувствовала, как что-то ушло. Что именно, она поняла только утром, когда не смогла узнать собственное отражение. Нет, внешность не изменилась. Просто исчезла способность воспринимать красоту. Вообще. Человеческие ли-

ца, природа, искусство — все стало просто наборами линий и пятен. Она видела цвета, но они ничего не значили. Тетрадь забрала эстетическое чувство. Настя лишь пожалала плечами. Красота — понятие относительное. Главное, что другие все еще видели ее красивой.

Встреча в парке была обставлена как сцена из фильма. Она сидела на той самой скамейке, где нашла тетрадь. Солнце садилось, окрашивая небо в цвета, которых она больше не могла оценить. Он шел по аллее, и за ним бежала стайка папарацци. Его лицо, лишённое для нее привлекательности, было тем не менее узнаваемым. Когда он увидел ее, он замер. Упал на колени прямо в пыль. Репортеры защелкали камерами. На следующий день ее лицо было на всех обложках страны.

Дальше — больше. Желания становились все грандиознее. Известный музыкант, чьи песни слушали миллионы, должен был написать альбом, посвященный ей. Тетрадь приняла плату — исчезла способность слышать музыку. Она больше не различала мелодий, лишь ритмичный шум. Но альбом вышел, и его называли «Анастасия». Он стал платиновым за неделю.

Политик, молодой и амбициозный, чье лицо мелькало в новостях каждый день, должен был влюбиться в нее до безу-

мия и оставить свою семью. Плата — исчезли все воспоминания о матери. Настя больше не помнила женщину, которая ее родила. Только сухой факт: была мать. И все. Политик развелся, вызвав грандиозный скандал, и на пресс-конференции заявил, что встретил любовь всей своей жизни.

Она больше не скрывалась. Зачем? Она стала звездой, о которой говорили все. Светская хроника, ток-шоу, обложки глянцевого журнала. Люди обсуждали ее, ненавидели, боготворили, завидовали. Мужчины, завоеванные тетрадь, образовывали вокруг нее странный, вымученный круг обожателей. Она была королевой, только вот свою свиту она не любила и не ценила. Они были просто строками в ее тетради.

Но чем громче становилась ее слава, тем сильнее становилась зависимость. Она уже не могла остановиться. Ломка возвращалась каждый раз, когда она пыталась сделать паузу. Руки начинали трястись, перед глазами плыли круги, а внутри разрасталась такая бездна, что казалось, еще немного — и она рухнет туда и разобьется. Только строчка в тетради затягивала эту бездну новым, еще более грандиозным желанием.

Она обратила внимание на иностранного актера, мировой величины, обладателя «Оскара». Это был вызов. Пересечь границу, подчинить кого-то, кого она даже никогда не видела вживую. Она написала желание: «Главная мировая кино-

звезда, кумир миллионов, видит меня в новостях и больше не может работать, есть, спать. Он летит в мой город первым же рейсом, чтобы умолять меня стать его женой». Она писала это в три часа ночи, обливаясь потом, чувствуя, как ломка отступает с каждой выведенной буквой.

Утром она не смогла встать с кровати. Тело казалось чужим, непослушным. В зеркале она увидела нечто странное: ее волосы, всегда бывшие платиново-белыми, потускнели. У корней появился едва заметный пепельный оттенок. Она попыталась вспомнить, что именно забрала тетрадь на этот раз, но не смогла. Пропажа была слишком большой, чтобы ее осознать. Исчезло что-то фундаментальное, что-то, без чего человек перестает быть человеком. Она попыталась вспомнить, что чувствуют люди, когда совершают хорошие поступки. Ничего. Ни одной ассоциации. Тетрадь забрала у нее понятие добра. Моральный компас исчез. Остался только чистый, незамутненный эгоизм, даже не прикрытый остатками совести.

Мировая звезда прилетела через два дня. Аэропорт, оцепленный службой безопасности. Тысячи фанатов. А он прошел сквозь толпу, как лунатик, и упал к ее ногам с кольцом от «Тиффани». Мир взорвался. Настя стала сенсацией планетарного масштаба. Ее лицо не сходило с экранов. Крупнейшие ток-шоу дрались за право пригласить ее. Таблоиды

называли ее «Снежной королевой», «Чародейкой», «Величайшей роковой женщиной столетия». Никто не мог понять, как обычная студентка из провинциального города сводит с ума самых влиятельных и богатых мужчин планеты.

А она сидела в пентхаусе, оплаченном очередным поклонником, и листала ленту новостей. Слава, власть, деньги — все это ничего не значило. Она не могла наслаждаться. Не могла чувствовать. Не могла даже ненавидеть своих врагов, потому что враги перестали существовать. Были только цели.

Она посмотрела на тетрадь. Та заметно потолстела. Кажется, страниц стало больше, чем было вначале. Или они просто разбухали от ее желаний, как губка впитывая ее сущность. Сколько еще она могла отдать? Что еще осталось? Она попыталась составить список того, что у нее еще было. Тело — да, все еще красивое, хотя она этого не видела. Интеллект — да, холодный и острый. Речь — да. Способность писать — да. Но что еще? Она не могла вспомнить.

Она взяла ручку и занесла ее над страницей. Нужно было идти дальше. Если актеры и политики так легко подчиняются, то, может быть, попробовать что-то большее? Может быть, ей доступна власть совсем иного уровня? Что, если написать желание о президенте? Или о короле какой-ни-

будь страны? Границы, государства, законы — все это условности, когда у тебя в руках тетрадь, способная переписывать реальность.

Но прежде чем она успела вывести первую букву, в дверь постучали. Настя нехотя отложила ручку и пошла открывать. На пороге стояла женщина. Старая, сгорбленная, с лицом, изрезанным глубокими морщинами. Но глаза... Глаза были яркими, живыми и очень знакомыми. Такие же, как у нее самой до того, как тетрадь начала свою жатву.

— Ты далеко зашла, девочка, — сказала женщина. Голос был тихим, но в нем звенел металл. — Слишком далеко. Ты играешь с тем, чего не понимаешь.

Настя смотрела на нее без страха, без любопытства, без каких-либо чувств. Просто фиксировала факт: на пороге стоит неизвестная старуха.

— Тетрадь не твоя, — продолжила женщина. — Ты ее нашла, но она выбирает хозяев сама. И ты — не первая. Превенная владелица кончила плохо. Очень плохо. Как и все до нее.

— Чего ты хочешь? — спросила Настя. Голос звучал ровно, как у робота.

— Предупредить. Ты думаешь, что контролируешь ее. Но это она контролирует тебя. Она уже сожрала почти все, что делает человека человеком. Когда ты отдашь последнее, она просто исчезнет. И ты вместе с ней. Или останешься пустой оболочкой, которую нечем будет наполнить.

Женщина протянула руку.

— Отдай мне тетрадь. Добровольно. Это единственный способ разорвать круг.

Настя перевела взгляд на протянутую ладонь. Где-то глубоко, на том месте, где раньше был инстинкт самосохранения, что-то слабо дернулось. Но тетрадь, лежащая на столе, будто позвала ее. Она почувствовала знакомую тянущую боль в груди, первые признаки ломки. Отдать? Расстаться с единственным, что наполняло ее пустое существование смыслом? Нет. Ни за что.

— Уходи, — сказала она. — Или я напишу о тебе желание. И ты станешь моей рабыней.

Женщина вздохнула. В ее глазах мелькнула боль, но не за себя — за Настю.

— Ты уже не сможешь написать обо мне желание, девоч-

ка. Тетрадь не работает против тех, кто знает ее природу. Ты отрезала себя от всего. Остался последний шаг. Не делай его.

Она повернулась и медленно пошла прочь. Настя закрыла дверь. Ни страха, ни облегчения. Только пульсация в висках и сухость во рту.

Она вернулась к столу. Открыла тетрадь. Чистые страницы манили, обещая власть над всем миром. Женщина говорила о последнем шаге. Что ж, пусть так. Если это будет последний шаг, то пусть он будет самым грандиозным. Она занесла ручку и написала новое желание. На этот раз адресатом был не мужчина, не актер, не политик. Она поднимала ставки выше, чем кто-либо до нее. Она написала имя, от которого зависели судьбы целых континентов.

Тетрадь жадно впитала чернила. И в тот же миг Настя почувствовала, как что-то оборвалось внутри. Не боль. Просто пустота, которая до этого была фоном, вдруг стала абсолютной. Она подняла руку и поднесла ее к глазам. Пальцы были прозрачными. Сквозь них просвечивала лампа на столе.

Тетрадь забирала последнее. Ее физическое присутствие в этом мире. Остался лишь выбор: растаять полностью или написать еще одно, последнее желание, которое закрепит ее власть навсегда. И она, не колеблясь, перевернула страницу.

Глава 4. Волшебница за пеленой

Пальцы, ставшие почти прозрачными, дрожали над страницей. Настя понимала: еще одно желание такого масштаба, и она может исчезнуть совсем. Раствориться в эфире, стать бесплотной тенью, запертой между строк собственных амбиций. Тетрадь ждала, пульсируя теплом под кончиками пальцев. Но даже в своей абсолютной, вымороженной пустоте Настя сумела отыскать последний островок инстинкта — самосохранение. Не страх смерти, нет. Страх перестать существовать, так и не насытившись игрой. Умереть было не страшно. Страшно было упустить возможности.

Она не стала дописывать то планетарное желание. Вместо этого она аккуратно, словно обезвреживая бомбу, перевернула страницу и написала совсем другие слова. Она написала желание не для того, чтобы получить нового мужчину. Она написала его для себя. «Я хочу, чтобы мир узнал обо мне, но никто никогда не увидел моего истинного лица. Я хочу, чтобы люди приходили ко мне за любовью, как приходят к оракулу. Я хочу, чтобы они платили за волшебство всем, что у них есть, а я в обмен раздавала им крупички своей силы, не тратя своей сущности. Я хочу стать той, к кому стекаются золото и мольбы, оставаясь призраком, невидимкой, леген-

дой».

Это было самое длинное и самое продуманное желание за все время. Когда ручка остановилась, тетрадь задрожала. Впервые она не просто впитала чернила, а словно задумалась, переваривая сложный запрос. Затем страница вспыхнула бордовым светом и погасла. Внизу проступила плата: «Изымается: потребность в физическом присутствии. Ты будешь тенью, но тени не нуждаются в теле».

Настя почувствовала, как ее тело перестало болеть. Исчезли тяжесть, усталость, голод. Она подошла к зеркалу и увидела, что отражение стало зыбким. Она все еще была видна, но лишь как силуэт, словно смотришь сквозь запотевшее стекло. Она набросила на плечи длинный черный плащ с глубоким капюшоном, скрывающим черты лица, и стала похожа на ожившую тень из древних мифов. Ее кожа, волосы, губы — все это еще существовало, но только для нее. Для мира она стала фигурой без возраста, без паспорта, без имени. Просто Волшебница.

Первые клиенты пришли сами, движимые сарафанным радио, которое она запустила через случайно брошенную фразу на закрытой вечеринке. Одна из бывших поклонниц актера, чье сердце было разбито его внезапной одержимостью неизвестной блондинкой, рыдала в туалете дорогого

ресторана. Настя, закутанная в свой плащ, подошла к ней неслышно, как скользящий по полу туман.

— Ты хочешь, чтобы он вернулся? — спросила она голо-
сом, лишенным интонаций, но обволакивающим, как шелк.

Женщина вздрогнула и подняла заплаканные глаза. Она не увидела лица, только тьму под капюшоном и слабый, едва уловимый аромат сандала.

— Кто вы?

— Неважно. Я могу вернуть его. Но услуга стоит дорого.

— Сколько? У меня есть деньги.

— Деньги — это скучно, — прошелестела Настя. — День-
ги возьму как аванс. Основная плата — твоё обоняние. Ты
перестанешь чувствовать запахи. Навсегда. Готова ли ты от-
дать часть себя ради любви?

Женщина колебалась ровно три секунды. Любовь или за-
пах цветов по утрам? Выбор для отчаявшегося сердца оче-
виден. Она согласилась. Настя достала из складок плаща тет-
радь — она больше не расставалась с ней ни на минуту, —
и записала желание от имени клиентки. Механика сработа-

ла безупречно. Тетрадь приняла чужую плату, забрала обоняние у бедной женщины, а Настя получила толстую пачку купюр. Но главное — она не отдала ничего своего. Она стала посредником. Паразитом на чужой беде.

На следующий день актер публично заявил, что его наваждение прошло, он вернулся к бывшей невесте и умоляет ее о прощении. Женщина была счастлива. Она не чувствовала запаха его одеколона, аромата цветов, которые он дарил, запаха дождя за окном. Но он снова был рядом. А Настя поняла, что нашла золотую жилу.

Она создала ритуал. Полутьма, свечи, тяжелые портьеры, скрывающие окна. Люди приходили в съемную квартиру, которую она обставила как готический будуар: черный бархат, старинные зеркала в потемневшей бронзе, кальян, источающий густой дым без запаха. Она принимала клиентов, сидя в высоком кресле с резной спинкой, похожем на трон. Лица ее никто не видел — капюшон скрывал его полностью, а голос звучал глухо и потусторонне.

Слухи о Волшебнице поползли по городу, как змеи. Сначала это были домохозяйки, мечтающие вернуть гулящих мужей. Потом — бизнесмены, желающие заполучить неприступных красавиц. Затем — звезды эстрады, политики, люди с фамилиями, которые печатали на первых полосах. Каждый

из них хотел любви. Каждый был готов платить.

Настя разработала прејскурант. Мелкое желание — деньги, драгоценности, недвижимость. Среднее — часть воспоминаний клиента, которые она переправляла в тетрадь, пополняя ее архив украденных сущностей. Крупное желание — физическая плата: зрение, слух, способность ходить, чувствовать вкус. Но теперь это были не ее потери. Она лишь переписывала чужие жизни, оставаясь в тени, как режиссер, который никогда не выходит на сцену. Тетрадь принимала такую схему. Более того, она словно расцветала от объема работы. Страницы стали плотнее, обложка — темнее. Винный оттенок сменился на цвет запекшейся крови.

К ней обращались через посредников. Секретарши олигархов дрожащими голосами записывали аудиенции. Помощники депутатов привозили кейсы с деньгами. Однажды пришло письмо на гербовой бумаге — просьба от особы королевской крови из маленькой, но очень богатой европейской страны. Королева узнала о Волшебнице и умоляла вернуть любовь короля, который увлекся юной танцовщицей. Настя согласилась. Платой стал королевский рубин размером с голубиное яйцо и способность королевы узнавать ложь. Королева потеряла интуицию, но король вернулся. Рубин Настя равнодушно бросила в шкатулку, где уже лежали бриллианты, сапфиры и изумруды. Они были красивы? Она

не знала. Она давно потеряла способность это оценить.

Деньги текли рекой. Огромные счета в офшорах, оформленные на подставных лиц. Квартиры в Лондоне, виллы на Лазурном берегу, пентхаусы в Нью-Йорке — все это существовало где-то на бумаге, но Настя никогда не была в этих местах. Зачем? Она не могла наслаждаться видами, не чувствовала вкуса еды из мишленовских ресторанов, не ощущала мягкость египетского хлопка на простынях. Единственное, что имело значение, — это рост ее влияния. Число обратившихся. Список спасенных или разрушенных судеб, который она вела в отдельной тетради, уже обычной, без магии. Там были сотни имен. И с каждым днем этот список пополнялся.

К Волшебнице обращались по-разному. Одни называли ее Госпожой, другие — Оракулом, третьи шептали «ведьма», но без злобы, скорее с суеверным почтением. Никто не знал ее настоящего имени. Никто не знал, что под капюшоном скрывается та самая блондинка Настя, из-за которой несколько лет назад с ума знаменитости. Это было идеальное прикрытие. Она стала мифом, а мифы не стареют и не умирают.

Но однажды на пороге ее будуара появился клиент, который нарушил привычный порядок вещей. Он пришел без за-

писи, без посредников, просто открыл тяжелую дверь и вошел, когда Настя раскладывала пасьянс из карт Таро, которые использовала как декорацию для антуража. Он был высок, одет в простое черное пальто, и от него веяло странной, тревожной знакомостью. Настя подняла голову — точнее, повернула капюшон в его сторону, — и замерла. Это был парень из ее прошлой жизни. Однокурсник. Второстепенный персонаж ее университетской драмы. Тогда он был влюблен в нее, тихо и безответно, писал ей стихи в соцсетях, которые она никогда не читала. Его звали Дима. Он был из тех, кого она никогда не достаивала даже взглядом.

— Здравствуй, Настя, — сказал он спокойно. — Я знаю, что это ты.

Внутри пустоты, где раньше жили эмоции, что-то слабо колыхнулось. Не страх, не гнев, скорее эхо любопытства.

— Ты ошибся дверью, — произнесла она своим замогильным голосом. — Уходи.

— Нет. Я искал тебя два года. Я сопоставил факты. Все эти мужчины, актеры, политики, потом исчезновение, потом появление Волшебницы. Я знаю, что ты нашла что-то. Какой-то артефакт. И я знаю, что он тебя пожирает.

Он шагнул ближе. Настя инстинктивно сжала тетрадь, лежащую на коленях.

— Я не просить пришел, — продолжил Дима. — Я пришел предупредить. Та, прежняя, которая владела тетрадь до тебя... Я нашел записи о ней. Она исчезла в один день. Просто растворилась. Осталась только тетрадь, которая ждала новую жертву. Тетрадь любит тех, кто не любит. Понимаешь? Она питается одиночеством. А когда одиночество заканчивается, заканчивается и владелец.

Настя молчала. Она давно не нуждалась в чьих-либо советах. Но где-то на границе ее угасшего сознания промелькнула мысль: а ведь он прав. Она не любила никого из тех, кто приходил к ней. Она не любила даже себя. Она была пустым сосудом, черпающим чужую боль.

— Чего ты хочешь? — повторила она ту же фразу, что и старухе много недель назад.

— Я хочу, чтобы ты остановилась, — Дима смотрел прямо в темноту ее капюшона. — У тебя достаточно денег, власти. Ты можешь исчезнуть, бросить тетрадь, попытаться вернуть то, что она забрала.

— Вернуть? — в ее голосе промелькнуло что-то похожее

на усмешку. — Это невозможно. И мне ничего не нужно из того, что она взяла.

— Тогда продай ее мне.

Настя медленно поднялась. Тетрадь в ее руках стала горячеей, почти обжигающей. Она почувствовала, как противостоит, не хочет даже слышать о передаче.

— Ты не понимаешь, о чем просишь. Она не продается. Она выбирает сама.

— Тогда используй меня, — Дима сделал еще один шаг. — Напиши желание обо мне. Заставь меня разлюбить тебя. Ведь именно из-за этого ты меня никогда не замечала? Я последний, кто любил тебя не по принуждению, а по-настоящему. Сотри это. Может быть, тетрадь насытится и отпустит тебя.

Настя смотрела на него сквозь пелену капюшона. Он предлагал себя в жертву. Последний человек, который помнил ее настоящую. Последний, кто видел в ней не Волшебницу, а Настю, блондинку с соседнего потока, которая когда-то умела смеяться.

Она открыла тетрадь. Взяла ручку. Дима стоял неподвиж-

но, ожидая приговора. Это было бы легко. Одно желание — и он перестанет быть проблемой. Станет просто еще одним зомби, пополнившим ее коллекцию. Или она могла бы стереть его любовь, как он просил, и посмотреть, что будет.

Но впервые за долгое время ее рука дрогнула. Что-то внутри, в той самой бездне, где гнездилась ломка, зашевелилось. Не совесть — она была мертва. Не жалость — она атрофировалась. Это было сомнение. Тень сомнения, брошенная словами человека, который любил ее настоящую.

Она отложила ручку.

— Уходи, — сказала она в третий раз. — И не возвращайся. Если ты появишься снова, я не буду думать. Я просто напишу тебя в тетрадь, и ты станешь моим рабом.

Дима посмотрел на нее с болью. Потом развернулся и вышел, оставив после себя запах осеннего воздуха и чего-то неуловимо человеческого, чего в ее будуаре не было уже много месяцев.

Настя осталась одна. Свечи догорали. Тетрадь на коленях медленно остывала. Где-то в приемной уже ждал следующий клиент — кажется, арабский шейх, готовый отдать половину состояния за любовь голливудской актрисы. Бизнес шел

своим чередом. Но что-то изменилось. Впервые она задала себе вопрос не о том, кого покорить дальше, а о том, сколько ей самой осталось. Тетрадь сожрала почти все. Осталось ли что-то, что можно спасти? И главное — хочет ли она этого?

Ответа не было. Зато был шейх с деньгами и очередное желание, которое нужно было записать чужими потерями. Она встала, поправила капюшон и направилась в зал для аудиенций. Бизнес есть бизнес. А вопросы... Вопросы подождут. Пока еще есть страницы, которые можно заполнить.

Глава 5. Розовые пятна

Шейх ушел довольным. Он оставил на столе кожаный чемоданчик, набитый пачками евро, и лишился способности испытывать жажду. Теперь он никогда не почувствует, как хочется пить в жаркий полдень, но голливудская актриса, по его словам, того стоила. Настя проводила его взглядом, спрятанным под капюшоном, и вернулась в свой будуар. Сумма в чемоданчике была внушительной, но она не вызвала в ней ни тени удовлетворения. Просто цифры. Просто еще один трофей в коллекции, которая давно перестала радовать.

Она сбросила плащ на кресло и подошла к зеркалу — старому, в потемневшей бронзовой раме, которое досталось ей вместе с этой квартирой. Обычно она не смотрела в него. Смотреть на собственное размытое отражение, видеть силуэт без четких контуров было бессмысленно. Но сегодня что-то заставило ее замереть перед мутным стеклом. Какое-то новое ощущение в теле. Не боль, не дискомфорт. Скорее, зуд. Слабый, подкожный, словно тысячи крошечных иголок танцевали под кожей.

Она стянула длинные перчатки из черного шелка, которые носила для антуража, и поднесла руки к свету свечей.

То, что она увидела, заставило ее застыть. Кожа на тыльной стороне ладоней, всегда бывшая бледной до полупрозрачности, теперь покрылась пятнами. Они были розовыми, неровными, похожими на лепестки увядающих цветов. Одни — размером с монету, другие — совсем крошечные, как веснушки, но неестественного, болезненного оттенка. Пятна не болели, не чесались, если к ним не прикасаться. Но они были. И они расплзались.

Настя провела пальцем по одному из пятен. Кожа в этом месте была гладкой, но более теплой, чем окружающие ткани. словно под ней тлел уголек. Она рывком задрала рукава блузки. Пятна поднимались выше, к локтям, образуя причудливые узоры, напоминающие географическую карту несуществующего архипелага. Розовые острова на бледном море ее кожи. Они были красивы, если бы не были так зловещи.

Она схватила тетрадь. Лихорадочно пролистала страницы в поисках записи о последней плате. Тетрадь давно перестала сообщать ей, что именно забирает. Но, может быть, там есть хоть какой-то намек? Чисто. Только ее собственные строки, исчезающие после исполнения, и чужие судьбы, вписанные в страницы мелким, незнакомым почерком. Она пролистала до самого конца. На последней странице, которая еще вчера была пустой, теперь красовалась новая надпись, выведенная

золотыми чернилами:

«Ты отдаешь больше, чем берешь. Баланс нарушен. Тело начинает помнить то, что душа забыла».

Настя перечитала это трижды. Тело начинает помнить. Что помнить? Все те потери, которые она списала со счетов? Все украденные запахи, вкусы, воспоминания, способность к радости и добру? Неужели они никуда не делись, а просто осели где-то в глубине ее физической оболочки, как токсины, которые организм больше не может выводить? И теперь они проступают наружу. Розовыми пятнами. Первыми вестниками распада.

Она отбросила тетрадь и снова подошла к зеркалу. Стянула блузку через голову, оставшись в одном белье. Пятна были везде. На плечах, на животе, на ребрах. Они спускались к бедрам и, вероятно, шли дальше. Розовые, кое-где с лиловым отливом, они покрывали ее тело, как шкуру экзотического зверя. Она выглядела как картина сумасшедшего импрессиониста. Или как жертва неизвестной болезни, от которой отшатываются врачи.

Но боли не было. Был только зуд. Тихий, глубинный, словно под кожей ползали муравьи. И еще — страх. Впервые за долгое время Настя почувствовала что-то похожее на эмо-

цию. Это не был полноценный страх, скорее его бледная тень, слабый электрический разряд в позвоночнике. Ее тело, единственное, что у нее осталось, начало меняться. И она не контролировала этот процесс. Она не могла написать желание, чтобы пятна исчезли. Тетрадь не работала против собственных правил. Тетрадь не лечила. Она только брала и давала, но никогда не отдавала назад то, что уже было изъято.

Она накинула плащ прямо на голое тело и села в свое кресло. В приемной, она знала, ждали еще двое клиентов. Жена олигарха хотела, чтобы ее муж перестал смотреть на молодых секретарш. Молодой певец мечтал, чтобы в него влюбилась знаменитая топ-модель, которая сейчас встречалась с футболистом. Обычные желания. Обычные сделки. Но впервые за все время работы Волшебницей Настя почувствовала отвращение. Не к клиентам — к процессу. К бесконечному потоку чужих хотелок, которые она исполняла, теряя себя по капле.

Она вызвала ассистентку — молчаливую женщину по имени Инга, которую наняла несколько месяцев назад для организационных вопросов. Инга вошла, держа в руках планшет с расписанием. Она была единственным человеком, который видел Волшебницу регулярно, но никогда не задавала лишних вопросов. Она не знала о тетради. Она думала, что работает на экстрасенса-затворницу, и ее вполне устра-

ивала зарплата.

— Прием отменяется, — сказала Настя. — Сегодня я больше никого не принимаю.

Инга удивленно моргнула, но спорить не стала. Она лишь кивнула и вышла, чтобы сообщить клиентам об отмене. Настя слышала, как за дверью раздались возмущенные голоса. Жена олигарха что-то кричала про срочность, певец угрожал связями. Но Инга была профессионалом. Через пять минут в приемной стало тихо.

Оставшись одна, Настя зажгла все свечи, какие были в комнате. Их понадобилось много — она хотела рассмотреть свои новые отметины как можно детальнее. Она сбросила плащ и встала перед огромным зеркалом, которое раньше занавешивала черным бархатом. Теперь она отдернула ткань и посмотрела на себя во весь рост.

Зрелище завораживало. Розовые пятна на бледной коже напоминали цветение сакуры. Или разводы акварели на мокрой бумаге. Они были почти красивы, если забыть о том, что означали. Настя провела ладонями по своему телу — по плечам, по животу, по бедрам. Кожа была гладкой, но под пальцами ощущалось странное тепло, неравномерное, пульсирующее. словно пятна жили своей жизнью.

Она вспомнила слова Димы. «Она питается одиночеством. А когда одиночество заканчивается, заканчивается и владелец». Но что, если одиночество не заканчивается? Что, если оно, наоборот, становится настолько абсолютным, что начинает пожирать тело? Ведь она была одна. Она была одна с того самого дня, как взяла в руки тетрадь. Все, кто ее окружал, — актеры, политики, шейхи, клиенты — были лишь декорациями. Они любили не ее. Они любили тени, которые она создавала. А настоящих чувств к ней не испытывал никто. Кроме, возможно, Димы, которого она прогнала.

Она села за стол и открыла тетрадь. Ей нужно было понять, как остановить пятна. Если тетрадь не лечит, может быть, она может дать что-то другое? Знание? Подсказку? Она написала вопрос, впервые адресуя желание не вовне, а внутрь самой тетради:

«Я хочу знать природу этих пятен и способ избавиться от них».

Чернила впитались мгновенно, но страница осталась пустой. Тетрадь молчала. Такого еще не было. Обычно она либо исполняла желание, либо сообщала о плате. Здесь — ничего. Пустота. Настя перевернула страницу и увидела новую запись, явно не ей сделанную:

«Твои вопросы не имеют силы. Ты больше не хозяйка. Ты — носитель. Тетрадь растет внутри тебя. Когда она зацветет полностью, ты станешь ее обложкой. И тогда появится новый владелец».

Внутри все оборвалось. Она не хозяйка. Она носитель. Инкубатор. Тетрадь использовала ее, как использовала всех предыдущих владельцев. Она не давала силу — она паразитировала. И пятна были не симптомом болезни. Они были прорастанием. Тетрадь пускала корни в ее теле, готовясь к финальной трансформации. Настя станет обложкой. Буквально. Ее кожа превратится в тот самый винный бархат, а сознание растворится в чернилах, пополнив архив украденных сущностей.

Она отшвырнула тетрадь в угол. Впервые за все время она почувствовала не ломку, не азарт, не голод, а настоящую, животную ярость. Она поднялась так резко, что кресло опрокинулось. Схватила со стола тяжелый канделябр и бросилась к тетради, намереваясь разорвать ее, сжечь, уничтожить.

Но тетрадь лежала на полу, раскрытая, и от ее страниц исходило мягкое, золотистое свечение. Оно успокаивало. Приглушало гнев. Настя замерла с занесенным канделябром, чувствуя, как ярость утекает, словно вода в песок. Тетрадь

не давала себя уничтожить. Она защищалась. Усыпляла. Делала беспомощной.

Руки опустились. Канделябр выпал из ослабевших пальцев. Она бессильно опустилась на колени. Розовые пятна на ее руках, казалось, стали ярче, насыщеннее. Одно из них, самое крупное, на запястье, вдруг зачесалось нестерпимо. Она почесала его, и под ногтями осталась тонкая, почти прозрачная чешуйка. Не кожа. Что-то другое. Что-то, похожее на лепесток.

Тетрадь цвела. И до полного цветения оставалось совсем немного. Настя подняла голову и посмотрела в зеркало. На нее смотрела женщина, покрытая розовыми узорами, с глазами, в которых больше не было ни власти, ни холода. Только усталость. И где-то на самой глубине зрачков — слабый, едва теплящийся огонек желания жить.

Она должна была что-то сделать. Найти способ разорвать связь. Но единственный человек, который мог ей помочь, был тот, кого она прогнала. Дима. Он знал что-то о тетради, что-то о прежних владельцах. Возможно, он нашел способ, о котором не успел рассказать.

Она поднялась с колен, шатаясь. Накинула плащ, скрывающий ее изменившееся тело. В приемной было тихо, Инга

ушла. За окнами сгущались сумерки. Где-то там, в городе, жил парень, который любил ее настоящую. И теперь он был ее единственной надеждой. Она вышла в ночь, впервые за долгое время покинув свой будуар не ради сделки. Возможно, впервые за все время — чтобы спастись.

Глава 6. Цвет сакуры

Ночной город встретил ее равнодушием витрин и редкими огнями фонарей. Настя шла, кутаясь в плащ, хотя холода не чувствовала — она вообще давно не чувствовала температуру, эта способность была утеряна где-то между третьим и четвертым десятком желаний. Прохожие попадались редко, а те, что попадались, не обращали на нее внимания. Высокая фигура в черном, скользящая вдоль стен, — мало ли в большом городе странных людей. Никто не видел ее лица, спрятанного под капюшоном. Никто не видел розовых пятен, расплзающихся по коже, как лишайник по старому камню.

Она не знала, где искать Диму. У нее не было его номера, адреса, каких-либо контактов. Последний раз она видела его в своем будуаре, когда он предлагал себя в жертву, а она его прогнала. Тогда он казался просто назойливым напоминанием о прошлой жизни, от которого нужно избавиться. Теперь он казался единственной ниточкой, связывающей ее с реальностью, где еще можно что-то исправить. Она шла наугад, в сторону старого университетского района, словно надеясь, что память приведет ее к нему сама.

Город менялся. Улицы становились уже, фонари — туск-

лее. Она проходила мимо парка, где нашла тетрадь, но даже не повернула головы в ту сторону. Та скамейка под дубом теперь казалась ей не местом судьбоносной находки, а западной, ловушкой, расставленной неведомым охотником на глупую блондинку с амбициями. Она попалась. Она заплатила всем, что имела. И теперь расплачивалась последним — собственным телом.

На углу улицы, где раньше была ее любимая кофейня, она остановилась. Что-то изменилось. Она не сразу поняла, что именно. Ветер дунул сильнее, капюшон соскользнул с головы, и прядь волос упала на лицо. Настя машинально подняла руку, чтобы убрать ее, и замерла. В свете уличного фонаря она увидела то, отчего ее пальцы сжались в кулак. Прядь, лежащая на ладони, была розовой. Не пепельной, не выцветшей, не больной. Розовой. Как лепестки сакуры в апреле. Как дорогой краситель из салона, о котором она когда-то мечтала в своей прошлой, нормальной жизни.

Она поднесла прядь ближе к глазам, не веря увиденному. Ее волосы, всегда бывшие платиново-белыми, предметом ее гордости и ухода, изменили цвет. Но не так, как меняются седые или больные волосы. Они были живыми, блестящими, шелковистыми. И при этом совершенно розовыми. Оттенок был неравномерным — где-то гуще, где-то прозрачнее, словно дорогое омбре, сделанное рукой мастера. Корни отлива-

ли персиковым, кончики уходили в пыльно-розовый, почти сиреневый. Это было красиво. Неестественно, жутковато, но красиво.

Она откинула остальные волосы из-под плаща. Они рассыпались по плечам длинными волнами, и в тусклом свете фонаря засияли, как розовое золото. Розовый цвет сакуры. Цветения. Того самого цветения, о котором говорила тетрадь. Она зацвела. Сначала пятна на коже, теперь волосы. Трансформация продолжалась, и остановить ее не получалось.

В витрине закрытого магазина она увидела свое отражение и застыла. На нее смотрела незнакомка. Высокая, бледная, с розовыми пятнами на лице, которые теперь не скрывал капюшон, и с копной розовых волос, светящихся в темноте. Она была похожа на персонажа фэнтези-фильма. На лесную нимфу, заколдованную злым волшебником. На призрак девушки, которая когда-то была Настей.

Она потрогала волосы. Они были мягкими, послушными, точно такими же на ощупь, как всегда. Но от них исходил слабый аромат. Не сандала, как от тетради. Что-то другое, едва уловимое. Цветочное. Сладкое. Так пахнут лепестки роз, когда их растираешь между пальцев. Или вишневый цвет ранней весной. Запах был приятным, но чужим. Он не

принадлежал ей. Он принадлежал тетради.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.